

Цю Чэн нашёл эмалированный таз, ободрал початки кукурузы от листьев и нанизал их на длинные палочки для еды. Он собирался жарить кукурузу прямо в гостиной, а чтобы не ставить таз на пол, подложил под него перевернутый деревянный ящик.

С тех пор как А Чан сдал в общую казну все свои сокровища, у них дома появилось множество всякой всячины. Например, та большая куча иголок и ниток, которой они недавно пользовались, или этот эмалированный таз. В пустой квартире напротив тоже скопилось немало вещей, и теперь они ходили туда брать всё, что могло понадобиться.

А Чан раньше воровал початки с полей вокруг временной базы и грыз их сырыми, но жареную кукурузу никогда не пробовал. Он с любопытством наблюдал за процессом со стороны, а когда от початков пошёл сладковатый аромат, и вовсе потерял усидчивость. Словно котёнок, он то и дело крутился возле Цю Чэна, пока тот наконец не пожарил оба початка и не протянул ему один.

— Вкусно? — Цю Чэн невольно улыбнулся, заметив, что А Чан, обглодав зёрна, всё ещё сжимает в лапах кукурузный стержень и никак не хочет с ним расставаться. Он и сам уже очень давно не ел такой нежной и ароматной жареной кукурузы.

— Вкусно, — А Чан облизал губы, и его взгляд невольно упал на половинку початка, оставшуюся в руках у Цю Чэна.

— Хочешь, доешь? — видя это, Цю Чэн снова невольно отнёсся к нему как к ребёнку.

— Нет, — А Чан смущённо опустил голову и принялся туда-сюда ковырять пальцем безнадёжно обглоданный стержень.

— Ешь, я уже наелся, — Цю Чэн протянул недоеденный початок чуть ближе.

—? — Уже наелся? — А Чан озадаченно посмотрел на него.

— Наелся, — Цю Чэн улыбнулся ему, и его глаза сияли так чисто и ясно, что впору было поверить: он вовсе не врёт.

А Чан взял ту половину початка и откусил кусочек. Его тут же очаровал этот несравненный вкус, а настороженные по природе глаза невольно прищурились от удовольствия. В душе он тайком радовался: Цю Чэну хватает такой малости, чтобы наестся, как же это здорово.

Судя по словам той семейной пары, за квартиру № 1501 они отдали почти шестьсот тысяч. Жильё было просторным — больше ста тридцати квадратных метров, три комнаты, две гостиные, а также терраса и балкон.

Терраса в этой квартире оказалась огромной и выходила на восток, а балкон — на юг. Цю Чэн

прикинул: сколько ни света, а солнца на балкон и террасу попадает не так уж много, поэтому решил без долгих раздумий засадить их все картошкой.

Сначала они открыли дверь на крышу и перепрыгнули на террасу квартиры № 1501. Во всех ещё не отделанных квартирах их жилого комплекса была только входная дверь, а межкомнатных дверей и окон не предусматривалось вовсе. Проникнув в квартиру прямо через террасу, Цю Чэн осмотрел планировку, а затем перетащил из своего дома наверх те самые сколоченные деревянные ящики. Он расставил их рядами на восточной террасе и южном балконе.

Сейчас с продовольствием было туго, и этот картофель требовалось посадить как можно раньше: каждый выигранный день имел значение. В тот же день во второй половине дня Цю Чэн вместе с А Чаном сходили к реке Синьнань и притащили на себе два мешка с речным песком. Вооружившись этой влажной песчаной почвой, они принялись проращивать картофель.

Позже в тот же день Шэнь Син доставила обещанные сто цзиней нефритовой крошки. Цю Чэн расплатился с ней семьюдесятью кукурузными лепёшками. Десять цзиней из оставшихся лепёшек он отложил для домашних нужд, а всю остальную муку забрал с собой на вечерний рынок. Несмотря на то, что в последнее время торговля шла неплохо, прошло слишком мало времени с момента открытия их лавочки, и набрать разом пятьдесят-шестьдесят цзиней кукурузной муки оказалось не так-то просто.

После того как стало известно о взрыве на селекционной станции, некогда щедрые покупатели сделались невероятно прижимистыми. Те, у кого дома оставались излишки кукурузных лепёшек, старались по большей части обменивать их на кукурузную муку впрок и расставались с едой куда менее охотно, чем прежде, из-за чего полевые мыши Цю Чэна теперь продавались не так резво.

А вот лавка по обмену кукурузной муки, располагавшаяся справа, процветала. Чтобы постоянным клиентам было проще их отыскать, Цю Чэн с А Чаном не меняли точку — они стояли на прежнем месте, зажатые между торговцем печами слева и обменщиком муки справа.

Этот сосед-торгаш в последнее время стал брать с собой на рынок двух крепких племянников из родни. Вместе с отцом и сыном набиралось уже четверо мужчин. Когда они приходили и уходили, их провожали и встречали другие родственники, так что целая ватага двигалась по улице внушительной процессией. Мелкие банды связываться с ними не смели, а крупным пререкаться было боязно — времена стояли суровые, власти закручивали гайки.

Каждый вечер по пути на ночной рынок и обратно горожанам то и дело досаждали воры и грабители: кражи обычно случались прямо среди рядов, а грабежи — за пределами рынка. Ради поддержания порядка на улицах увеличили число патрульных. Стоя за прилавком, Цю Чэн каждые несколько минут видел проходящих мимо стражников порядка, да и по дороге из дома и домой регулярно попадались патрульные на полицейских мотоциклах.

И всё же, как бы ни бушевал вокруг хаос, городская администрация и не думала закрывать ночной рынок. Благодаря ему многие получали шанс выжить, а общество сохраняло относительное спокойствие. С какой стороны ни погляди — будь то политический расчет или забота о людях, закрывать рынок было категорически нельзя.

Торговля шла со скрипом, и если поначалу Цю Чэн управлялся со своими делами за час-полтора, то теперь время работы растянулось на три-четыре часа. Выходя на рынок ровно в шесть вечера, сворачивать лавочку удавалось не раньше половины десятого.

Хорошо ещё, что он продавал съестное, и дела шли не так паршиво, как у некоторых соседей — например, тот же продавец печей по соседству, как замечал Цю Чэн, за весь вечер порой не мог сбыть ни единой печки.

Пару дней назад во время сбора лавки они столкнулись со Старым Ху и наслушались от него горьких жалоб. Старый Ху сокрушался, что вести дела стало совершенно невозможно, и если так пойдёт и дальше, жить будет не на что. Они с несколькими приятелями собирались податься к побережью — мол, если удастся раздобыть там немного морской соли и привезти на продажу в город, появится хоть какой-то шанс переломить ситуацию.

Цю Чэн понимал, что Старый Ху думает не только о банальном выживании. В нынешние времена любой мужчина с хоть какими-то амбициями стремился попытаться счастья: стоило заполучить побольше земли, скопить побольше золота и серебра, как после окончания нынешнего кризиса перед ними открывалась бы прекрасная, сытая жизнь.

В тот вечер, когда Цю Чэн закончил торговлю, соседняя лавка по обмену муки тоже опустела. Цю Чэн подкатил к ней на трехколёсном велосипеде вместе с А Чаном.

— Я хотел бы обменять немного кукурузной муки, — сказал он.

— Ох, Сяо Цю! Наконец-то ты надумал меняться! — хозяин лавки расплылся в довольной улыбке. Он положил глаз на эту сделку с самого первого дня, как Цю Чэн появился на рынке, но упрямый парень всё никак не выказывал желания менять товар на муку — торгаш даже грешным делом думал, что у того есть какие-то иные каналы снабжения.

— По какому курсу возьмёшь цзинь? — поинтересовался Цю Чэн.

— Ну, я же тебе говорил: пять с половиной лянов за цзинь, — владелец лавки считал Цю Чэна крупным клиентом.

Дела у него шли неплохо, и он каждую ночь внимательно следил за соседями: за каждую полевую мышь те стабильно выручали по три кукурузные лепёшки. И пусть в последнее время торговля подразвалилась, это значило лишь то, что приходилось сидеть на рынке на пару часов дольше. Покупатели отчаянно торговались, вымогая в придачу стручковый перец и зелёный лук в качестве бонуса, а самые ушлые умудрялись даже заставлять Цю Чэна докладывать к

мыши помидор. Со стороны это выглядело так жалко, что у самого торговца сердце кровью обливалось за этих двоих оборванцев. Однако товар-то в итоге неизменно распродавался до конца, и за вечер парни стабильно заколачивали по несколько десятков лепёшек.

— Пять и восемь лянов, — парировал Цю Чэн.

— Ох-хо-хо, так не пойдёт! Если слушать твои цены, вся моя родня пойдёт по миру с протянутой рукой, — замахал руками лавочник.

— У меня товар крупный, — ответил Цю Чэн. Он слез с велосипеда, откинул брезент на кузове и вытащил оттуда несколько холщовых мешков, доверху набитых кукурузными лепёшками.

Торговец, увидав такое богатство, тут же загорелся желанием провернуть сделку:

— Пять и шесть, и ни лянном больше.

— Тогда пойду поспрошаю в других местах, — бросил Цю Чэн и принялся упаковывать мешки обратно. И он не блефовал: с таким количеством лепёшек в любой лавке он считался бы желанным покупателем, у которого есть полное право на торг.

— Пять и семь! — скрипя зубами, накинул цену хозяин. — Это предельная цена, выше нигде не найдёшь. Нарвёшься ещё на какого-нибудь жулика, так он тебе в муку чёрт знает чего подмешает! Мы с тобой столько времени торгуем бок о бок, хоть раз кто-нибудь жаловался на мою муку? Старый друг лучше новых двух!

Цю Чэн скрепя сердце согласился на пять лянов и семь лянов с цзиня. Рассудив здраво, он признал правоту торговца: хоть тот и был прожженным коммерсантом, слово своё держал.

— Ладно, по рукам! Чжэнь Синь, иди сюда, помоги Сяо Цю взвесить товар! — позвал хозяин сына. Хотя на рынке дежурили ещё и два племянника, в денежные дела он их не вмешивал, поручая парням лишь охранять прилавок по обе стороны.

Пока шли взаиморасчеты, торговец принялся завязывать с Цю Чэном более близкие отношения, велел звать его просто стариком Фэном. Он расписывал себя как человека кристальной честности, никогда не обвешивающего клиентов, уверяя, что и мука у него самая свежая — ведь у него есть надёжные поставщики. Словом, Фэн настоятельно рекомендовал в следующий раз приходить за мукой только к нему.

В конце концов за эту сотню с лишним цзиней кукурузных лепёшек Цю Чэн выручил чуть больше шестидесяти цзиней муки. На следующий день, захватив полную сумму, он благополучно переоформил квартиру № 1501 на своё имя в бюро недвижимости и подписал с бывшим хозяином договор. По оставшимся трем квартирам сделки предстояло завершить в течение ближайшего месяца.

Став полноправным владельцем квартиры № 1501, Цю Чэн не стал терять времени. Забрав у прежнего владельца ключи, он сменил замок, развернул внутри Массив Сбора Духов, а затем натащил с ближайших полей множество земли. Перемешав её с вызревшим удобрением, он засыпал её в деревянные ящики, и как только проросли отложенные клубни, высадил в каждый ящик по картофелине.

Раньше на временной базе Цю Чэн замечал, что перед посадкой картофель обязательно нужно дезинфицировать. Сейчас у него не было никаких специальных средств, поэтому он попросту решил сажать мелкие клубни целиком, избавив себя от необходимости резать их на части.

Место для настаивания удобрений тоже перенесли наверх. В квартире № 1501 было три комнаты и две гостиные, и одну из маленьких комнат Цю Чэн приспособил под эти нужды.

Сначала он собирался переселить туда и полевых мышей, но, подумав, передумал. Пока грызуны обитали в деревянных ящиках прямо в гостиной, и это казалось вполне безопасным: за исключением тех часов, когда они уходили на ночной рынок, дома почти всегда кто-то оставался, так что устроить побег мышам было не так-то просто. А вот на верхнем этаже всё могло сложиться иначе.

Цю Чэн решил сначала усовершенствовать мышинные клетки, а уже потом думать о переезде колонии.

Помимо ночной торговли на рынке и забот о домашнем хозяйстве, всё оставшееся время Цю Чэн посвящал изучению «Записок о культивации древесины». Каждое утро и вечер он садился в позу для медитации. Как утверждалось в трактате, в постижении Дао не существовало быстрых путей — лишь изо дня в день накапливаемый опыт, а удастся ли в итоге обрести просветление, зависело исключительно от личной кармы.

В ту ночь А Чан вернулся домой далеко за полночь, едва наловив всего пару мышей. В последнее время поля и лесистые склоны вокруг городских окраин были сплошь исытаны ямами, птичьи гнёзда разорены, и многие мыши с пернатыми спешно сменили места обитания. А Чану приходилось проводить на охоте всё больше времени, а добычи при этом доставалось всё меньше.

Отворив клетку в гостиной, он забросил туда пойманных грызунов, а сверху кинул несколько обглоданных кукурузных стержней. Кукуруза на их собственной террасе наконец созрела, и теперь они с Цю Чэном грызли её стебли вместо сахарного тростника. Остатки жмыха вместе с измельчёнными листьями и шелухой закладывали в компост для удобрения, а стержни шли мышам — зубы поточить.

Пройдя в комнату, А Чан увидел Цю Чэна: тот сидел на кровати со скрещенными ногами и руками, сложенными на коленях, застыв изваянием и не производя ни малейшего движения.

—... — Зрачки А Чана сузились.

Он простоял у входа добрых несколько минут, после чего неслышно приблизился, вытянул шею и осторожно потя носом воздух у самого лица Цю Чэна. Лишь когда парень ощутил размеренное, теплое дыхание, исходящее от спящего в медитации спутника, его напряжённое тело понемногу расслабилось.

А Чан всё ещё помнил, как уходил тот старый кот. Когда он нашёл его, старый кот сидел точно так же, неподвижно. Дни, проведённые рядом с Цю Чэном, приносили ему столько радости — ему так хотелось навсегда удержать этого спутника, радоваться вместе с ним бесконечно. И вид застывшего в неподвижности Цю Чэна напугал его не на шутку.

Радость от того, что потерянное вновь обретено, заставила А Чана податься вперёд и осторожно поткнуться носом в кончик носа Цю Чэна, а затем лизнуть его в подбородок и губы. Губы парня оказались до того мягкими, что А Чан не удержался и принялся облизывать их снова и снова. Ощущая эту мягкость и вдыхая тепло его дыхания, он в один миг почувствовал странное, сжигающее изнутри беспокойство...

—... — Цю Чэн слегка приоткрыл глаза.

Он всего лишь погрузился в медитацию, а не превратился в мертвеца, и при такой бурной возне не почувствовать происходящего было просто невозможно.

А Чан, прищурившись от блаженства, с упоением смаковал вкус его губ — до того соблазнительный, что ему непреодолимо захотелось разжать эти губы и попробовать то, что скрывалось за ними...

—! — Внезапно ресницы Цю Чэна взметнулись вверх, и его взгляд встретился с глазами А Чана.

—... — Цю Чэн в тот момент ещё не до конца пришёл в себя.

— У-у! — А Чан остолбенел на секунду, а затем, издав жалобный писк испуганного зверька, метнулся к окну и в несколько прыжков сиганул в ночную темноту, удрав со скоростью света.

Цю Чэн выглянул из окна, но следов А Чана и след простыл. Освещённая уличным фонарем дорога внизу казалась мертвенно-бледной, на ней не было ни крови, ни тел. Немного растерянно почесав в затылке, Цю Чэн подумал, что хорошо хоть не свалился вниз — глядя, как тот не разбирая дороги сиганул прочь, было по-настоящему страшно.

За всю свою долгую жизнь Цю Чэн почти не завёл друзей, а о романах и вовсе не помышлял. Ранняя смерть отца и повторное замужество матери сделали его в подростковом возрасте замкнутым и мнительным; с одноклассниками он держался прохладно и отстранённо, а поступив в институт, забросил учёбу ради подработок и на студенческих мероприятиях почти не появлялся.

Он и вообразить не мог, что когда-нибудь станет из-за какого-то парня испытывать столь глубокую тревогу. Цю Чэн легко коснулся пальцами губ и слегка опустил весы... то есть веки.

А Чан тем временем слонялся по округе. Из великого множества своих прежних укрытий он не хотел возвращаться ни в одно. Ранняя весна ночами всё ещё дышала холодом — сам-то он к морозам привык, но сейчас почему-то зяб. Стоило ему вспомнить тёплую, мягкую постель в доме Цю Чэна, как его непреодолимо потянуло назад.

При мысли о Цю Чэне А Чана охватывало жгучее чувство стыда. Цю Чэн был так добр к нему, а он едва не сгрёб его со страху... то есть едва не съел! Как можно пожирать столь прекрасного спутника? В худшем случае можно было лишь понюхать, лизнуть, побаловать себя самой малостью. Но Цю Чэн, кажется, всё понял, и теперь наверняка презирает его...

Близился рассвет. Цю Чэн лежал на кровати, казалось, уже погрузившись в сон, как вдруг у окна замаячила чья-то чёрная тень.

Потоптавшись с минуту и словно убедившись в отсутствии опасности, силуэт бесшумно вскочил в комнату. Крадучись, на цыпочках, он забрался на кровать и свернулся клубочком рядом с Цю Чэном. Полежав так немного, он заворочался, вытянул шею, обнюхал шею Цю Чэна, разок лизнул её и лишь после этого с полным умиротворением провалился в сон.

Несколько часов спустя Цю Чэн поднялся с постели ни свет ни заря, по своему обыкновению. Первым делом предстояло сходить за водой к реке Синьнань: раньше на полив одной лишь террасы уходило ровно два ведра в день, а то и больше. Теперь же предстояло орошать две террасы и один балкон, да к тому же терраса квартиры № 1501 была огромной, так что Цю Чэну требовалось притащить как минимум четыре коромысла воды.

А Чан промышлял мышами по ночам, а утром отсыпался до полудня, так что тягать воду по утрам всегда приходилось в одиночку. В прошлые дни всё было относительно просто: вода требовалась в меньших объёмах, да и лифт работал. Но сегодня, дотащив пустые вёдра до лифтовой площадки, он обнаружил, что подъёмник обесточен — видимо, лимит по электричеству на этот месяц подошёл к концу.

Судя по текущим темпам, возобновления подачи водопроводной воды стоило ждать ещё недели две. Ходили слухи, что мало починить трубы — прежде чем район подключат к системе, необходимо проверить исправность канализационных стоков.

Надев на плечи коромысло с двумя пустыми вёдрами, Цю Чэн в мгновение ока спустился вниз. Время было раннее, в их квартале почти никто ещё не вставал: при дефиците еды люди старались побольше спать и меньше двигаться, чтобы беречь силы.

Прошлой ночью он наконец вошёл в состояние медитации, да пробыл в нём несколько часов кряду. Теперь Цю Чэн на собственном опыте познал все прелести глубокого погружения: за всю ночь он спал меньше трёх часов, но при этом ни намёка на обычные в таких случаях головокружение, тошноту или ломоту в теле — напротив, он чувствовал себя бодрым и свежим,

словно снова вернулся в студенческие годы.

Успехи в практике немало радовали Цю Чэна. Что же касалось выходок А Чана, он разложил всё по полочкам в своей голове. А Чан добывал полевых мышей, помогая ему в кратчайшие сроки накопить как можно больше припасов и за пару месяцев обзавестись недвижимостью. Сам же Цю Чэн мог постепенно вводить А Чана в человеческое общество. Если в будущем появятся возможности, можно будет даже раздобыть ему документы, чтобы он мог жить среди людей тихо и незаметно, ничем не привлекая к себе внимания.

Они помогали друг другу, ладили между собой — и это главное. А остальное пусть идет своим чередом.

Сбежав за водой четыре раза, Цю Чэн взмок от работы. Вернувшись с последним коромыслом, он сначала налил таз воды, чтобы обтереться полотенцем, а затем слил мыльную воду в специальный бак. Достав с деревянного стеллажа на террасе самую старую бутылку с мочой, он плеснул её внутрь, размешал и принялся черпать живительную влагу для зелени на балконе.

Пару дней назад, после сбора кукурузы, на той террасе освободилось больше десятка деревянных ящиков. Почти все они были засеяны картофелем, а в оставшихся Цю Чэн посадил три ящика тыквы, по одному — горькой тыквы, люффы и китайской капусты. Тыквы и овощные лианы были высажены по одному растению на ящик, а в ящике с капустой зеленело четыре кустика.

Полив грядки на собственной террасе, Цю Чэн отправился в квартиру № 1501. Поговаривали, что если сажать картофель без предварительного периода покоя, это сильно скажется на урожае. Выбора у них не было, поэтому пришлось пустить в ход клубни из прошлого урожая. Судя по тому, как бодро шла зелень, в этом была огромная заслуга Массива Сбора Духов; оставалось надеяться, что и под землёй клубней завяжется вдоволь.

Первый собранный урожай из двух ящиков картошки Цю Чэн, помимо нескольких трапез для себя, распродавать не стал. Теперь, после новой посадки, у него еще оставался небольшой запас: эти клубни он решил приберечь на несколько месяцев, чтобы высадить их уже после завершения периода покоя.

Закончив с хлопотами, Цю Чэн снова сел медитировать. Согласно «Запискам о культивации древесины», зелёные побеги в процессе роста расходуют изрядное количество духовной энергии, однако они же её и производят. Выращивание растений внутри Массива Сбора Духов позволяло сделать царящую в нём ауру еще более концентрированной. Если же удастся взрастить высококачественное духовное дерево, источаемой им энергии хватит не только на нужды практикующего — когда концентрация достигнет пика, избыток ци начнет просачиваться за пределы массива, сливаясь с природными потоками мира.